

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Часть первая КЛЕЙМО НА РУКАХ

Тигр выпускает когти, не думая о них, но жертва не может скрыться. Дракон использует силу, не замечая ее, однако гора не может устоять.

Из поучений мастеров

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Процессию сопровождало не менее сотни людей дворцовой охраны — все с гонгами и барабанами, в шелковых праздничных шляпах, чьи лихо загнутые отвороты напоминали крылья легендарной птицы Пэн, в пурпурных халатах, затянутых поясами с роговыми пластинами. Вот уж воистину — величие видно издалека! Особенно когда сиятельный Чжоу-ван, родной брат ныне здравствующего императора Поднебесной, Сына Неба Юн Лэ, в очередной раз возвращается в жалованный ему удел!

Впрочем, зеваки в толпе переговаривались вполголоса: дескать, нечистый на руку принц Чжоу уже трижды отстранялся от правления уделом за «злоупотребления» и явные нарушения канона Ведомства Работ, установленного специально для «кровнородственных ванов», как то: злостное пренебрежение указанной высотой дворцовых стен, двойное увеличение положенного количества ворот, покраска крыш западных палат в неподобающие цвета, не считая киноварного оттенка воротных створок, и так далее.

Но до того ли сейчас, когда в Нинго праздник, а в серой слякоти буден это уже немало!

Следом за охранниками двадцать придворных бережно везли в черепаховом ларце, украшенном яшмой и изумрудами, драгоценные реликвии Ведомства Обрядов: свидетельство на титул вана, именуемое «цэ» и вычеканенное на тончайшем листе червонного золота, а также личную печать принца Чжоу, имевшую квадратное основание и наверхшие в виде прыгающего тигра.

Рядом с реликвиями в ларце хранился свиток — копия нефритовых табличек из Храма императорских предков —

с двадцатью иероглифами, которые должны были составлять первую часть имен потомков Чжоу-вана на протяжении двадцати поколений.

И упаси Небо ошибиться — бдительное око Управления императорских родичей не дремлет!

За придворными, в окружении евнухов с веерами и опахалами, неторопливо двигался экипаж нынешней фаворитки принца Чжоу, его любимой наложницы, красавицы Сюань, которую за глаза в шутку называли Сюаньной¹ Беспорочной. Сам Чжоу-ван, словно стремясь лишней раз подчеркнуть свое пренебрежение этикетом, ехал не впереди процессии, а рядом с экипажем наложницы и, склонившись к затененному шторами окошечку, распевно шептал что-то — должно быть, читал возлюбленной стихи эпохи Тан, до которых был большой охотник.

И все шло своим чередом, установленным до мельчайших подробностей, пока из задних рядов толпы вперед не протолкалась пожилая грузная женщина, которая не уgomонилась на достигнутом и пошла себе вперевалочку прямо к принцу Чжоу и экипажу красавицы Сюань.

Эту женщину знали все в квартале Пин-эр. Ну скажите, кому незнакома Восьмая Тетушка, жена красильщика Мао, нарожавшая своему тщедушному муженьку добрую дюжину ребятишек, — тихая, покладистая простушка с вечно распаренными от стирки руками?

Но чтобы так, вопреки основам всех миров Желтой пыли, прямо навстречу кровнородственному вану...

— Прочь, негодная! — пронзительно, аж уши заложил, завизжал толстенький евнух и хлестнул нарушительницу спокойствия опахалом. Удар пришелся по выставленному предплечью Восьмой Тетушки, послышался треск, и бамбуковые пластины опахала брызнули во все стороны украшавшим их мелким бисером.

В ту же секунду сложенные «обезьянней горстью» ладони жены красильщика Мао наискось обрушились на оттопыренные уши евнуха, бедняга захлебнулся так и не родившимся криком и сполз на мостовую, продолжая беззвучно разевать рот, будто вытщенная из воды рыба.

¹ Сюаньной — Дева Девяти небес, даосское божество.

А Восьмая Тетушка продолжила свой путь к экипажу. Первым опомнился длинноусый придворный в черном халате, расшитом голенастыми драконами, и при поясе тайвэя — начальника стражи.

Он коротко скомандовал, и охранники мигом сломали строй, обтекая придворных с реликвиями — символами ванского достоинства; вокруг Восьмой Тетушки сомкнулись конские крупы, а позже, когда ближайšie охранники словно сами собой вылетели из седел, в воздухе засверкала сталь. Праздник плавно перерастал в бессмысленное побоище: в руках жены красильщика Мао проворно сновал отобранный у кого-то двуострый топорик, опытные солдаты на глазах превращались в драчливую ребятню, промахиваясь по вертящейся вьюном сумасшедшей бабе, отрубленная голова тайвэя подкатилась прямо под копыта ванского жеребца, и тот шарахнулся, рванулся подалее от мертвого оскала, загарцевал, с трудом смиряемый властной рукой...

И впрямь:

Мечи сверкают с двух сторон,
смешавшись, кровь течет,
А в смертный час кому нужны
награды и почет!

Два личных телохранителя удельного владыки еще только падали на залитую кровью мостовую — один с расколотым черепом, другой, успевший трижды взмахнуть секирой, с топориком в позвоночнике, — а Восьмая Тетушка уже стояла у экипажа и снизу вверх смотрела на принца Чжоу.

Плохо смотрела.

Так не смотрел на многажды опального вана даже его отец, покойный Хун У, в молодости великий мастер да-дао-шу¹ и предводитель «красных повязок»², в зрелости — первый император династии Мин, изгнавший монголов-завоевателей в северные степи.

¹ *Да-дао-шу* — искусство фехтования на «больших мечах», чем-то средним между кривым тяжелым мечом и алебардой.

² «*Красные повязки*» — восстание, положившее конец правлению промонгольской династии Юань и приведшее на трон династию Мин.

Но если Чжоу-ван даже и был нечист на руку, то слаб на руку он не был никогда.

Лихо присвистнул, покидая богато изукрашенные ножны, легкий клинок-цзянь, евнухи бестолково пытались закрыть собой повелителя, только мешая умелой рукотворной молнии, но когда меч наконец опустился, описав перед этим сложную полоторную петлю, — Восьмая Тетушка прогнулась назад и, как кошка лапами, хлестко ударила с двух сторон в плоскость клинка.

Звон, треск — и обезоруженный Чжоу-ван поднимает коня на дыбы, а жена красильщика Мао проскальзывает прямо под копытами и кулаком бьет в хрупкий замок дверцы экипажа, мгновенье назад поспешно закрытый Сюаньньюй Беспорочной.

Все видели: пинком распахнув дверцу, женщина за волосы выволакивает вопящую наложницу, мимоходом увернувшись от брошенного кем-то ей в голову боевого кольца, потом выхватывает из рук красавицы Сюань крохотную собачку ханчжоуской породы, заходящуюся истошным лаем, и об колено ломает зверьку хребет.

После чего швыряет труп собачки на тело наложницы, лишившейся чувств.

На миг все замерло, остановилось в беспорядке — солдаты, евнухи, зеваки, требующий подать ему оружие принц Чжоу... Только Восьмая Тетушка качала головой, удивленно разглядывая собственные руки, словно видя их впервые, да скользил к женщине-убийце бритоголовый монах в оранжевой рясе-кашье, до того находившийся в самом хвосте процессии и не принимавший в побоище никакого участия.

Деревянные сандалии монаха касались земли легко-легко; так, должно быть, ходят небожители Белых облаков, способные устоять на натянутой полоске рисовой бумаги.

Но и монах не успел.

Руки Восьмой Тетушки словно сами собой потянулись вперед и вниз, вынуждая разом погрузневшую женщину неуклюже присесть, потом пальцы правой руки пауком, хватающим бессильную добычу, сцепились в рукоять сломанного и брошенного принцем Чжоу меча-цзяня.

Оранжевая ряса поплыла в два раза быстрее, она напояла гонимое ветром закатное облако — да только когда монах находился уже в пяти шагах от жены красильщика Мао, обломок ванского меча одним неувлимым для глаза движением перерезал горло женщины как раз по вторым дряблым подбородком.

И густая кровь хлынула на очнувшуюся и вновь потевшую сознание красавицу Сюань, заливая лицо живой наложницы и тело дохлой собачки.

На это хватило и сломанного меча.

К чести Чжоу-вана, он опомнился первым. Спешившись, принц подбежал к монаху и ухватил его рукой за костлявое плечо.

— Что скажешь, преподобный Бань?! — прорычал правитель, усиливая хватку. — Не твоя ли забота следить за тем, чтобы злоумышленники сидели в колодках, дожидаясь приговора, а не разгуливали по улицам во время приезда кровнородственного вана?! Опять скажешь: все в мире тщета, и Желтая пыль запорошила глаза живущим?!

Монах даже не поморщился, словно не в его плечо клещами палача впились пальцы гневного Чжоу и не рядом с его лицом брызгал слюной тот, кто властен во многих жизнях и смертях.

— И впрямь все тщета, высокородный ван, — тихо ответил преподобный Бань, и скорбные морщинки-трещинки разбежались во все стороны по его бесстрастному, словно лакированному лицу. — Где мне, ничтожному иноку, предугадать волю Девяти небес, если Владыка Преисподней, князь Яньло, соберется продлить или укоротить чье-то существование? Однако что смогу, на что хватит жалких силенок глупого монаха — то сделаю...

И хватка на его плече разжалась.

Чжоу-ван прекрасно знал, кто стоит за спиной «ничтожного инока». К каждому из цинь-ванов, то есть кровнородственных, и к каждому из цзюнь-ванов, то есть областных, было приставлено по такому же кроткому монаху, прошедшему полную подготовку в знаменитом монастыре близ горы Суншань — якобы из высших соображений. И принцу Чжоу не надо было объяснять, кто

диктует императору Юн Лэ эти самые высшие соображения, — о, кому неизвестен преподобный Чжан Во, формально ведающий сношениями с отдаленными провинциями и сопредельными государствами!

Один из главенствующих иерархов Шаолиньской обители, преподобный Чжан не первый год серой тенью стоял за спиной Сына Неба. Круг доверенных людей тишайшего служителя Будды был настолько широк, что края его терялись в туманной дымке неопределенности, и настолько скрытен, что та же дымка надежно прятала его от любопытствующих; одно знали — монахи-воины начальника тайной службы есть везде, от Хэнаня до Фучжоу, и даже от Страны Утренней Свежести до территорий вьетов и неблизкого острова Рюкю. Ведь именно по рекомендации преподобного Чжан Во император провел небывалую чистку среди чиновников, подписал указ «О Великих морских плаваниях» и пожаловал шаолиньскому монастырю обширнейшие земельные угодья.

Будь ты хоть трижды ваном — стоит трижды задуматься, прежде чем хватать кого-либо из треклятых монахов-соглядатаев за плечи!

Тем паче что один бритоголовый из монастыря близ горы Суншань стоит отряда телохранителей.

Или отряда наемных убийц.

...Принц Чжоу плюнул и пошел прочь. Он твердо знал: уж что-что, а расследование этого странного покушения он не поручит преподобному Баню, как бы тот ни упорствовал. Если хочет — пусть копает сам, тайно, не имея официального распоряжения. А вот кто из судей в Нинго достоин заняться этим делом... нет, не сегодня.

Сегодня день и без того напрочь испорчен.

И наложницу Сюань надо будет на этой же неделе отослать к родителям.

Вид бесчувственной, залитой кровью Сюаньной Беспорочной с дохлой собачкой на груди навсегда отвратил сердце владыки от любимой наложницы.

А труп Восьмой Тетушки уже волокли во двор местной канцелярии...

...Чиновник долго и цветисто рассыпался в любезностях, всячески превознося честность и неподкупность высокоуважаемого сяньгуну¹, вспоминая его многочисленные заслуги одну за другой, и все никак не переходил к главному: зачем он, придворный распорядитель сиятельного Чжоу-вана, ни свет ни заря явился к судье Бао?

Впрочем, судья Бао и без объяснений догадывался о причине столь удивительного визита; более того — он знал это наверняка. Потому что склонный к вычурности слога и привычный к лести чиновник-распорядитель на сей раз отнюдь не преувеличивал заслуги высокоуважаемого сяньгуну по части раскрытия многих запутанных дел. И сопоставить более чем странное происшествие, не далее как вчера имевшее место на центральной улице Нинго, с явлением придворного распорядителя принца Чжоу для выездного следователя² Бао не составило особого труда.

Что же касается честности, то и здесь достойный распорядитель не погрешил против истины. Ибо нингоусцы за глаза уже давно прозвали достопочтенного судью Бао — Бао Драконова Печать, намекая на его легендарного предшественника и тезку, прославившегося своей неподкупностью лет эдак триста назад.

Все было верно и ясно с самого начала, а потому до невозможности скучно. Судья вежливо кивал, слушая придворного, явно перечитавшего Конфуция, и даже не самого Кун-цзы, а его нынешних толкователей; думал же выездной следователь Бао при этом совсем о другом.

Объявившаяся в Поднебесной новая болезнь, вскоре названная простолюдинами Безумием Будды, набирала силу, постепенно превращаясь в эпидемию. Судья Бао далеко не в первый раз сталкивался с людьми, потерявшими

¹ *Сяньгун* — почетный титул особо отличившихся судей; дословно переводится как «Господин, Поддерживающий Неустрашимость».

² *Выездной следователь* — другое название должности судьи.

рассудок в бесконечной веренице собственных перерождений — осознанных неожиданно и неотвратимо, подобно удару молнии! — забытыми, кто они *сейчас*, разрываемыми изнутри на части проснувшейся памятью о десятках прожитых ими жизней. Такие люди могли прекрасно помнить подробности восстания Ань Лушаня¹, рассказывать, как они сражались под знаменами Чжугэ Ляна² или Сунь У³, говорить на никому не известных языках и прозревать будущее, но не знать при этом своего теперешнего имени, не помнить ни родного дома, ни своих близких.

Бритоголовые монахи с умным видом объясняли, что такие люди прогневали Будду своими назойливыми мольбами и тот дал им просветление, о котором они просили, но бодрствование истинной сущности оказалось непосильным для их слабого ума, не подготовленного праведным образом жизни и медитациями...

Судья Бао был абсолютно уверен, что монахи-болтуны тоже далеки как от просветления, так и от Будды — ибо разве способен даже самый назойливый человек чем-то прогнать пребывающего в Nirване Будду?

Даосские же маги твердили в один голос, что это шалости кого-то из подручных демонов Владыки Преисподней Яньло...

Подручные демоны интересовали судью Бао в самую последнюю очередь. У него хватало забот и без Преисподней. («Кто бы мне дал в подручные пару демонов?» — с тоской подумал судья, наливая себе красного чая из давно остывшего чайничка.) Недавно Безумие Будды добралось и до семьи самого следователя Бао. Его молодой племянник Чжун сошел с ума буквально за неделю, перестав узнавать родных, и все рвался из дома в Лоян, где его якобы ждала семья; или принимался часами декламировать стихи, причем скверные, чего за прежним Чжуном нико-

¹ Ань Лушань — в 755 г. поднял мятеж против императора; в 757 г. был убит.

² Чжугэ Лян (220–280 гг.) — известный полководец и народный герой.

³ Сунь У (или Суньцзы, VI–V вв. до н. э.) — известный полководец и стратег.

гла не водилось; или... Несколько перерождений спорили между собой внутри несчастного юноши, подобно лавине в горах погребая под собой его нынешнюю личность, и Бао не знал, чем помочь любимому племяннику. Бесильны оказались и городской лекарь, и заходивший в дом судьи бродячий монах с его трещотками и гонгом. Только всегда мрачный и неразговорчивый даос Лань Даосин по прозвищу Железная Шапка сумел на некоторое время вернуть рассудок юноше. Но к вечеру Безумие Будды овладело Чжуном с новой силой — даже даосскому чародею оказалось не по плечу долго противостоять болезни.

Судья знал, что одержимые Безумием Будды не живут больше месяца, и потому был хмур и подавлен — но проклятая судьба не ограничилась племянником Чжуном!

Не далее как позавчера судья застал своего первенца и наследника Вэня в западном флигеле за приятной беседой с некой совершенно незнакомой судье девицей. Девица скромно опустила глаза, вежливо поклонилась вошедшему главе семейства — ничего предосудительного в ее поведении не наблюдалось, и на гулящую певичку она не походила. Да и взрослому сыну пора уже подыскивать жену, а судья Бао не из тех старомодных упрямецев, кто заключает браки детей без предварительного разговора с будущими супругами... Судья еще раз окинул взглядом гостью: одета небогато, но опрятно и прилично, лицом мила, насурьмлена и нарумянена в меру, разве что красный платок на шее девушки чем-то не понравился выездному следователю Бао.

Судья не был суеверен. Но он не мог пренебречь тем, что творилось сейчас в Поднебесной: эпидемия Безумия Будды, затронувшая и его семью, встающие из могил мертвецы (сперва не верил, но одного видел собственными глазами!), шастающие чуть ли не среди бела дня бесы, обретшие разум звери, и добро б привычные лисы-оборотни, а то барсуки какие-то... Даже если отсеять две трети рассказней и сплетен, оставшегося вполне хватало, чтобы быть обеспокоенным.

Возникшее подозрение следовало проверить немедленно. И Бао тут же отправился к своему давнему знакомцу Лань Даосину, неоднократно выручавшему судью в подобных ситуациях.

К счастью, Железная Шапка еще не покинул Нинго, чтобы плавить в горах свои пилюли бессмертия.

— Бесовка, — кивнул, оборачиваясь, чародей, едва судья успел переступить порог его временного жилища и открыть рот, дабы поведать магу, с чем пришел на этот раз. — Дух повесившейся женщины. Замену себе ищет, чтоб переродиться. Возьми вот эту тыкву-горлянку и побрызгай из нее на беса — все чары сразу рассеются, а ты увидишь его истинное обличье. После гони его метлой из персиковых прутьев, которая у тебя в коридоре стоит. Больше не вернется.

И чародей протянул судье небольшой сосуд.

— Благодарю тебя, святой Лань, — еле смог наконец выговорить судья, так до сих пор и не привыкший к сюрпризам даоса, которого все никак не отваживался вслух назвать другом. — Если тебе что-нибудь понадобится...

— Я знаю, — чуть заметно улыбнулся Лань Даосин, занавесив хитрые глазки косматыми бровями. — А теперь поспеши. Бес уже почти околдовал твоего сына.

Давно почтенный выездной следователь так не бегал! Но сейчас судье Бао было наплевать на свое положение и должность, которые никак не предусматривали подобных пробежек — его сын был в опасности, и он должен был успеть!

Он успел.

Девушка, виновато улыбаясь, уже прилаживала под притолокой кокетливый женский поясок, и его мальчик, его Вэнь уже взбирался на табурет, пытаясь дотянуться до стропил, не понимая, что делает, — вот тут-то в западный флигель и вломился запыхавшийся Бао Драконова Печать, на ходу откупоривая выданную ему тыкву-горлянку.

И когда беспримерной вонючести смесь прогорклой бычьей, свиной и бараньей крови пополам с человеческим калом, мочой и загноившимся мужским семенем

(к слову сказать, были там еще разные, неведомые судьбе, но не менее ароматные компоненты) окропила отшатнувшуюся девицу — с глаз присутствующих мгновенно спала пелена бесовского наваждения.

Первый Сын Вэнь стоял на табурете дурак дураком и готов был собственноручно надеть себе на шею петлю, скрученную на конце растрепанной веревки, свисающей со стропил, — а рядом извивался и подпрыгивал в судорогах полуразложившийся труп с глубоким следом от веревки на сломанной шее, с которой когтистые пальцы успели сорвать нарядный красный платок. Возможно, когда это была весьма милая девушка, и при жизни она вполне могла выглядеть именно так, как представлялось судьбе и его сыну всего несколько минут назад, — но сейчас, со вздыбленными волосами, с языком, вываленным на добрый локоть...

Стенающая покойница при помощи персиковой метлы была изгнана из дома — искать себе замену для будущего перерождения где-нибудь в другом месте, — а с сыном судья провел соответствующую беседу о нравственности. Однако, хотя все завершилось благополучно и бесовка более не появлялась, на душе у судьи было беспокойно. Неладное что-то творилось в Поднебесной!..

Вот уж верно:

Не вижу былого
достойных мужей.
Не вижу в грядущем
наследников им;
Постиг я безбрежность
небес и земли,
Скорблю одиноко
и слезы текут.

— ...Так что сиятельный Чжоу-ван надеется, что высокоуважаемый сяньгун сумеет распутать это загадочное дело. Позвольте мне, ничтожному, передать вам письменное распоряжение сиятельного Чжоу-вана, наделяющее вас соответствующими полномочиями. — Чиновник с поклоном передал судьбе свиток, написанный уставным

письмом *кайшу* и с оттиснутой на красном воске печатью принца.

Пришлось встать, с поклоном принять свиток, выразить вслух сомнения в силах презренного Бао справиться с таким важным поручением, а потом еще несколько минут слушать всяческие заверения, уверения и прочие надежды кровнородственного вана в изложении его распорядителя, пока последний наконец не удалился.

Едва дверь за достойным последователем Конфуция и его позднейших толкователей все-таки закрылась, судья Бао тяжело вздохнул и развернул свиток.

Полномочий было больше, чем он ожидал. Существенно больше. Вдобавок несколько чистых бирок на арест, которые судья мог заполнить по своему усмотрению. Опять же разрешение, спрятанное внутри свитка... Судья Бао очень надеялся, что ему не придется воспользоваться *этим* разрешением. Да, ему теперь было дозволено многое, очень многое даже для «господина, поддерживающего неустрашимость». Но и спрос с него будет особый — это выездной следователь понимал прекрасно. Что ж, придется заняться навязанным делом со всей тщательностью, хотя — видит Небо! — он предпочел бы вплотную озаботиться недавним убийством богатого купца, проезжавшего через Нинго и всплывшего не далее как вчера со вспоротым животом в ближайшем пруду.

Но, как сказал поэт: «Весенние грезы — за гранью небес».

Судья Бао еще раз тяжело вздохнул и отправился производить освидетельствование трупов.

3

С трупами охранников, собачки, телохранителей и тайвзя все было ясно: сломанные шеи и хребты, разрубленные черепа и другие смертельные повреждения, нанесенные в бою. Причем у каждого — только по одной ране, из чего судья заключил, что убивал их опытный боец, не привыкший бить дважды одного и того же противника — ибо какой смысл бить покойника?

С трупом самой виновницы вчерашнего побоища, Восьмой Тетушки, поначалу тоже особых сложностей не предвиделось: перерезанное горло говорило само за себя. Да и свидетели оказались практически единодушны в своих показаниях — прозорливый Бао заранее позаботился об их опросе и сборе вещественных улик. Заодно он успел послать одного из сыщиков допросить красильщика Мао и его многочисленную родню, а также родню самой Восьмой Тетушки, ежели таковая (родня, а не Тетушка!) сыщется. Еще до прихода придворного распорядителя судья чувствовал, что не миновать ему этого дела, а подобные предчувствия редко его обманывали; потому и побеспокоился о немедленном начале следствия. Ибо, как известно, вести следствие лучше по горячим следам, а не тогда, когда все улики успели растащить, свидетели подевались неизвестно куда, а у тех, что остались, отшибло память.

Конечно, надо будет приказать лекарям городской управы произвести вскрытие и другие необходимые исследования, которые покажут, не находилась ли почтенная мать семейства под воздействием какого-нибудь дурманящего зелья. Только это вряд ли: судья долго смотрел на умиротворенное лицо покойной, на котором застыло такое выражение, словно Восьмая Тетушка умерла с сознанием честно выполненного долга, — и с сомнением покачал головой. Какое невероятное зелье могло превратить тишайшую женушку красильщика Мао в мастера воинских искусств, сумевшего уложить половину стражи принца Чжоу?! И потом, добро б она Чжоу-вана убила (добро — это так, к слову), а то нате, подвиг — сломала хребет любимой собачке любимой наложницы и радостно перерезала себе горло!

Из-за собачки она, что ли, столько народу к предкам отправила?!

Ну не понравилась ей чем-то собачка — кинь издалика камнем...

Судья Бао не любил подобных дел. Он раскрывал их, как и все остальные, — но не любил. Если с обычными убийствами, кражами, ограблениями и подлогами с самого начала было ясно, где и кого искать, то в делах такого

сорта никогда нельзя было знать заранее, что выплывет на сей раз, кому ты наступишь на мозоль и кому в итоге придется хуже — преступнику или излишне ретивому выездному следователю?

Разумеется, в результате освидетельствования трупа Восьмой Тетушки выяснилось и было записано, что умерла злоумышленница в результате перерезания горла, совершенного ею же; а также что при жизни никакими специальными воинскими упражнениями, кроме стирки и тому подобных домашних работ, жена красильщика Мао не занималась. Это подтверждалось показаниями опасавшейся пыток и потому разговорчивой родни, твердившей в один голос, что о кулачном бое Восьмая Тетушка имела весьма смутное понятие, если не считать периодических поколачиваний пьяного муженька. Опять же — сорок с лишним лет тихой, незаметной жизни, у всех на виду: муж, дети, работа по дому, пересуды с соседками...

Нет, не могла такая женщина — даже ради самой отвратительной на свете собачки! — за несколько минут уложить около двух десятков отборных стражников из личной охраны Чжоу-вана, включая телохранителей и тайвэя!

Тем не менее факт был налицо.

Судья Бао еще некоторое время постоял над телом умершей и уже собрался уходить, когда взгляд его случайно скользнул по лежавшей ладонью вверх руке покойной. На предплечье уже начали проступать синеватые трупные пятна, и в этом не было ничего удивительного — но форма этих пятен была какой-то странной, что-то она напоминала судье, что-то очень знакомое...

Судья Бао нагнулся, взглядываясь повнимательнее, — и вдруг резко схватил вторую холодную руку покойной, переворачивая и ее ладонью вверх.

Так и есть!

Сомнений больше не было.

На предплечьях тишайшей Восьмой Тетушки, словно вытатуированные смертью, слабо проступали изображения тигра и дракона — отличительные знаки монахов-воинов, прошедших непроходимый для других Лабиринт Манекенов хэнаньского монастыря Шаолинь!

Точно такая же татуировка, только выжженная огнем, была у преподобного Чжан Во, начальника тайной службы императора; и у преподобного Бяня, приставленного к Чжоу-вану.

4

У судьи Бао болела голова. Прописанное лекарем снадобье, обычно помогавшее в таких случаях, на этот раз действовать отказывалось. Виски ломила нудная, утомляющая боль, мысли путались, и судья бездумно перебирал скопившуюся на его столе кипу прошений, жалоб и других бумаг, скользя взглядом по ровным рядам иероглифов и не вникая в суть написанного.

За столом в углу так же нудно, как головная боль, бубнил что-то себе под нос прилизанный молодящийся сюцай¹ Сингэ Третий — сидевший на этом месте уже добрый десяток лет и никак не могущий сдать экзамен на степень цзюйжэня² по причине «ограниченности ума, невосполнимой никаким усердием», как выразился однажды кто-то из экзаменаторов.

Сингэ Третий напоминал судье сюцаю из небезызвестной истории, который отдыхал нагишом в прохладе храма местного бога земли и простудился. Принеся жертву божеству и выздоровев, обиженный сюцай написал подробный доклад, где обвинял бога земли в том, что тот хитростью выманил у него жертвоприношения; после чего сжег доклад в храме духа-покровителя местности. Не дождавшись ответа, сюцай через десять дней написал доклад с обвинением духа-покровителя в пренебрежении своими обязанностями и сжег доклад в храме Яшмового Владыки. Ночью сюцаю приснилась огненная надпись на стене его дома, сделанная древним головастиковым письмом:

«Бога земли, опозорившего свой ранг, сместить с должности. Духу-покровителю записать взыскание. Сюцай

¹ Сюцай — первая (низшая) ученая степень.

² Цзюйжэнь — вторая (средняя) ученая степень.

такой-то за неуважение к духам и любовь к тяжбам получит тридцать палок через месяц с небольшим».

Что и произошло вскоре.

Но сейчас судьбе Бао было не до смеха: перед его мысленным взором мертвыми колодами лежали две женские руки.

Разумеется, никаких изображений дракона и тигра на руках Восьмой Тетушки при жизни не наблюдалось — это подтвердил и ее муж, красильщик Мао, и многочисленная родня, и еще более многочисленные соседи. Признаков воздействия колдовского или какого бы то ни было иного зелья также обнаружено не было. Судья еще раз осмотрел труп в присутствии управного лекаря, убедился, что странные трупные пятна никуда не исчезли, а, наоборот, стали еще более отчетливыми, распорядился занести это в протокол освидетельствования и грузной походкой отправился в канцелярию. Где теперь и сидел в отвратительном расположении духа и с раскалывающейся от боли головой.

— ...И представьте себе, высокоуважаемый сяньгун, ничего не взял в доме цзюйжэня Туна, зато изорвал в клочья его любимую тигровую орхидею, которую почтенный цзюйжэнь Тун растил в соответствии с канонем «Ба-хуа»...

— Кто изорвал? — без всякого интереса, просто чтобы отвлечься, переспросил выездной следователь, пропустивший мимо ушей всю предыдущую часть долгого и красочного повествования словоохотливого сюая.

— Да вор же! — обрадованно воскликнул Сингэ Третий, счастливый тем, что господин начальник наконец-то услышал и, кажется, даже заинтересовался его рассказом. — Изорвал любимую орхидею цзюйжэня Туна, а после воткнул себе садовый нож прямо в сердце! Цзюйжэня Туна, когда он об этом узнал, чуть удар не хватил, — довольно продолжил сюай, недолюбливавший более удачливого, чем он сам (и, надо сказать, довольно заносчивого), Туна. — Из-за орхидеи, понятно, а не из-за вора... Так что теперь он в Столицу не поедет; а заместитель ваш, досточтимый господин Фу, распорядился руки у покончившего с собой сумасшедшего вора отрубить и приколотить

их к позорному столбу на городской площади — чтоб другим неповадно было.

— Вора опознали? — вяло поинтересовался судья, которого головная боль стала наконец понемногу отпускать — то ли снадобье подействовало, то ли сама собой улеглась.

— Опознали, опознали! Торговец сладостями Фан Юйши, его все знают, честнейший человек, хоть и торговец! Я ж и говорю — видать, умом тронулся. Раньше я у него все рисовые колобки с тмином брал, а теперь уж и не знаю, где покупать! Да и вообще, сами видите, высокоуважаемый сяньгун, что у нас в уезде творится, а в последнее время, говорят, и по всей Поднебесной...

— Почему Фу мне не доложил? — прервал сющая судья.

— Не хотел вас беспокоить, высокоуважаемый сяньгун! Дело-то ясное, вор известен, и к тому же мертв...

Но судья Бао уже вновь перестал слушать болтовню Сингэ Третьего. Было в этих двух дурацких происшествиях что-то сходное, что выстраивало их в одну цепочку, делая смежными звеньями, и судья Бао почувствовал знакомый охотничий азарт, когда в полной бессмыслице нагромождения фактов, незначительных деталей, свидетельских показаний, улики вдруг сойдутся друг с другом несколько фрагментов разобранной головоломки, притрутся совершенно неожиданными углами, и ты понимаешь, что ухватился за нужную нить, и теперь надо тянуть, тянуть — только осторожно, чтобы не оборвать...

Дикий и на первый взгляд бессмысленный поступок Восьмой Тетушки, закончившийся ее самоубийством; и не менее дикий поступок уважаемого торговца Фан Юйши, а в итоге — нож в сердце. Вот что роднило два этих дела — внешняя бессмысленность и самоубийство исполнителя в конце!

— Пройдусь-ка я на площадь, — пробормотал судья скорее самому себе и не спеша вышел из канцелярии.

— Достопочтенный сяньгун Бао?

Вопрос был излишним — в Нинго спутать судью Бао с кем-либо другим мог только слепой. Судья неторопливо

обернулся. И в свою очередь сразу узнал этого пожилого монаха в оранжевой кашье. Преподобный Бань, ставленник тайной службы, немного телохранитель и уж наверняка соглядатай при сиятельном Чжоу-ване — который, однако, ничего не успел сделать во время недавнего побища.

Не успел?

Не смог?

Не захотел?

— Да, это я, преподобный отец, — кивнул выездной следователь, почтительно складывая ладони перед грудью. — Вот уж и впрямь — известно вам тайное и явное! Я как раз хотел переговорить с вами. Вы ведь, насколько я знаю, принимали монашество и затем проходили обучение в знаменитом монастыре у горы Сун? Воистину счастлива та обитель, чей патриарх был лично приглашен на церемонию восшествия на трон нашего нынешнего императора, Сына Неба Юн Лэ, живи он вечно! По-моему, именно по совету шаолинского патриарха Сын Неба перенес столицу из Нанкина в Пекин?

— Знания «господина, поддерживающего неустрашимость» достойны благоговения, — скромно склонил голову монах, но эта скромность не могла обмануть судью.

Неспроста подошел к нему преподобный Бань!

— Тогда не могли бы вы показать мне, недостойному, священные знаки тигра и дракона на ваших руках? Надеюсь, монастырским уставом это не запрещается?

— Нет, что вы, высокоуважаемый сяньгун, отнюдь! — заулыбался монах, которому явно польстила просьба судьи Бао, да еще высказанная столь смиренным тоном. — Разумеется, смотрите! Вот...

И он по локоть закатал рукава кашьи.

Некоторое время высокоуважаемый сяньгун самым внимательным образом изучал предъявленные ему изображения, выжженные на предплечьях монаха, а потом невинно осведомился:

— А скажите мне, преподобный Бань, только ли у монахов, сдавших экзамены в монастыре Шаолинь, имеются на руках такие знаки?

Некоторое время высокоуважаемый сяньгун самым внимательным образом изучал предьявленные ему изображения, выжженные на предплечьях монаха...

— Я не слышал, чтобы кто-нибудь хоть раз дерзнул подделать их. — Голос монаха остался прежним, но и без того узкие глаза сузились еще больше.

— А нельзя ли их как-нибудь скрыть? — поинтересовался судья. — Если, к примеру, монах-воин не хочет, чтоб его узнали?

— Наверное, можно, — пожал плечами монах, — только зачем? Да и шрамы останутся... Кроме того, прошедших Лабиринт Манекенов не так уж много, и нас хорошо знают не только в обители. Надеюсь, вы слышали, что принявший монашество в Шаолине может получить право на свободный выход из монастыря лишь тремя способами? Первый — сдать экзамены, на что способен далеко не каждый и не ранее пятнадцати лет ежедневного изнурительного обучения; второй — быть посланным во внешний мир по делам братии, что случается редко...

— А третий?

Монах лишь развел руками.

Дескать, третий выход — это выход для всех и из любой ситуации.

— Я понимаю вас, высокоуважаемый сяньгун, — вновь заговорил преподобный Бань после паузы. — Вам подсунули сложное и неприятное дело. Расследовать его — ваш долг... но, думаю, не будет большой беды, если вы вскоре прекратите поиски. Разумеется, честно выяснив все, что представляется возможным. И мне, ничтожному, почему-то кажется, что вы это уже выяснили: возмутительница спокойствия действовала в одиночку, без чьей-либо помощи, пребывая, по всей видимости, не в себе. И потом, она мертва — а посему кто теперь может сказать, что творилось в тот момент в голове у несчастной женщины?

— Конечно, вы правы, преподобный отец. — Судья вежливо склонил голову. — Приблизительно к тем же выводам пришел и я. Не могу выразить радости, охватившей мою душу при известии, что мое непросвещенное мнение совпало с мнением столь достойного служителя Будды, как вы.

Они поговорили еще немного о всяких не имеющих отношения к делу вещах, хотя судья Бао прекрасно понимал: монах уже сказал все, что хотел, дав ему понять, что преподобный Бань и те, кто стоит за ним, не слишком заинтересованы в подробном расследовании этого дела.

Судья догадывался — почему.

Потому что когда преподобный Бань, откланявшись, удалился, перед глазами судьи все еще некоторое время стояли выжженные на руках монаха знаки тигра и дракона. Точно такие же, как и те, что проступили после смерти на предплечьях Восьмой Тетушки, никогда не перешагивавшей порога знаменитого монастыря у горы Сун. Точно такие же знаки, разве что не от огня, как у преподобного Бани, а опять в виде трупных пятен, проступали сейчас на двух прибитых к позорному столбу руках уважаемого торговца Фан Юйши.

Который тоже никогда не был монахом.

Ни монастыря Шаолинь, ни какого другого.